

20 % школьников высказывают противоречивое мнение: *Я представляю себе учительницу то злой ведьмой, то добрым ангелом, в зависимости от того, как она ко мне относится (ж. 17 лет)*, с ними соглашаются 10 % наблюдателей: *Не могу сказать, что учителя только хорошие или плохие, всякие. Они такие же люди, как и все, со своими проблемами, заботами (ж. 42 года)*.

Носители русской лингвокультуры оценивают учительницу по трём параметрам: по отношению к другим людям, по отношению к профессии, по индивидуальным качествам. Предпочтение отдаётся характеристикам первой группы, которые определяют чувство эмпатии и нравственность, но недостаточны без профессионального мастерства. К позитивно оцениваемым личностным характеристикам относятся: интеллигентность, наличие чувства юмора, образцовое поведение, внешняя привлекательность. Отрицательная оценка действий учительницы даётся при нарушении учительницей морально-этических норм и профессиональных прескрипций.

Таким образом, субъектное позиционирование лингвокультурного типажа «школьная учительница» в современной лингвокультуре характеризуется следующей спецификой: для школьников наиболее значимы моральные качества учительницы, для самих учителей – уровень профессиональной подготовки, для сторонних наблюдателей – роль учительницы в обществе и её материальный статус.

Список литературы

1. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы* : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – Москва : Академия, 2004. – 304 с.
3. Режим доступа: <http://pedsovet.intergu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija // *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* / ed. V. I. Karasik. Volgograd, Paradigma, 2005, pp. 5–25.
2. Klimov E. A. Psihologija professional'nogo samoopredelenija. Moscow, Akademija, 2004. 304 p.
3. Available at: <http://pedsovet.intergu.ru>.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРЕЗЕНТАЦИИ СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСЕМ-ЗООНИМОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рябичкина Галина Владимировна, доктор филологических наук, директор Института непрерывного образования Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20-а, e-mail: ryabichkinagv@yandex.ru.

Метельская Елена Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: metelskayaev@rambler.ru.

В статье представлен исторический обзор подходов к изучению зоонимов в отечественной и зарубежной субстандартной лексикографии, предпринята попытка систематизировать авторские подходы к заявленной проблематике с целью составления целостной концепции изучения зоонимической лексики в субстандартном фонде на англоязычной и русскоязычной почве.

Ключевые слова: субстандартная лексика, субстандарт, концепция, зооним

HISTORICAL REVIEW OF THE SUBSTANDARD ZOO-LEXEMES
PRESENTATION PRINCIPLES IN THE FOREIGN
AND RUSSIAN SOCIAL LEXICOGRAPHY

Ryabichkina Galina V., Doctor of Philology, Director of Institute of Continuing Education, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: ryabichkinagv@yandex.ru.

Metelskaya Elena V., Candidate of Sciences (Philology), Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20-a Tatischev st., e-mail: metelskayaev@rambler.ru.

The article presents a historical overview of approaches to the study of zoo-lexemes in the Russian and foreign substandard lexicography. The authors take an attempt to systematize the original approaches to the problem to give a unique concept of zoo lexics learning in the Russian and English substandard fund.

Keywords: substandard lexics, substandard, concept, zoo lexics

Предназначение субстандартной лексики – выражать тончайшие нюансы мысли, передаваемые в разговорной речи, оттенять проявления позиционирования предметов людьми разных социальных групп, отражать отношение человека к различным явлениям, фактам, событиям. Такая функция целого пласта лексических единиц не могла не заинтересовать людей, чья деятельность неразрывно связана с фиксацией лексем в словарях, глоссариях и справочниках.

Изначально это был только сбор лексем в единые издания, как правило, с толкованием на языке оригинала, затем стали появляться двуязычные словари, представляющие собой вокабулы с переводом значения на иностранный язык. И только потом начался этап осмысления, анализа и сортировки субстандартных лексических единиц по социальной направленности, социальной принадлежности, профессиональному предназначению. Так появились словари жаргонизмов (тюремного жаргона, лагерного жаргона, школьного жаргона, блатного жаргона и т.д.), сленгизмов (сленга моряков, сленга неформалов, сленга молодежи, разговорного сленга, интернет-сленга и т.д.), кентизмов и т.д.

С первых шагов развития словарного дела исследователи обратили внимание на особый пласт субстандартной лексики, передающий посредством наименования животного вербализацию образа человека, на которого в процессе коммуникативного акта в определённой речевой ситуации направлено высказывание [5, с. 74]. Основными характеристиками зоонимов, презентующих образ человека в субстандартном фонде английского и русского языков, стали: номинативная – ассоциации с повадками, внешним видом животных, эмотивная – эмоции, вызываемые зоонимами в человеке, оценочная – положительное или отрицательное значение зоонима, национально-культурная, стилистическая – метафоричность, гиперболизация и др. [4, с. 10].

За рубежом зоонимы субстандартного лексического фонда впервые появились в лексикографических источниках примерно в XIII в. Так, в книге Дж. Дики «Cosa Nostra. История сицилийской мафии» упоминается специальный тайный язык членов итальянской мафии, который был зафиксирован в документах, относящихся к 1208 г. Члены этого криминального сообщества говорили на особенном сицилийском жаргоне, вызвавшем особый интерес у полиции. Из книги удалось выделить несколько лексем, соотнесённых с обозначениями животных и имеющих своей целью воссоздать, описать и презентировать образ человека, представленный с позиций членов мафии. Например, на языке мафии выражение *каирский петушок* означало отдыхающего полицейского, *петух с пером* – патрульного полицейского.

В 1250 г. в Германии в документах впервые встречается слово *ротвельш* в значении «тайного», воровского языка, появляются книги о нищих, разбойниках, бродягах и их языке. В середине XIV в. канцлером Герцогства Бреслау Дитмаром фон Мекбахом был составлен список выражений на *ротвельш*. Первый детальный словарь

rotwelsch был создан в XVI в. (Кирхмейер, 2001), в котором зафиксирован зооним *hirsh* (олень), который на ротвельш обозначает заключённого в одиночной камере.

Отметим, что на начальном этапе описания субстандартной лексики в первых словарях и глоссариях, в которых впервые были зафиксированы субстандартные зоонимы, отображался образ человека только относительно его профессиональной принадлежности.

В 1510 г. в Германии появилась «Книга бродяг» с первым глоссарием условного языка *kokumloschen*, представляющего собой смесь слов профессиональных нищих, воров, мошенников еврейского и христианского происхождения. В глоссарии, наряду с другими лексическими субстандартными единицами, зафиксирован зооним, воссоздающий образ человека и относительно его моральных качеств: *Löwe* (лев) – удалец.

История испанского жаргона *germania* также насчитывает не одно столетие. Первые упоминания о нём как о языке маргиналов встречаются в XIV–XV вв. Слово *germania* означало объединение нищих, воров, мошенников и со временем стало обозначать наименование их тайного языка [1].

Появление в XIV столетии (1517–1537 гг.) глоссария воровского сленга со стихотворным диалогом Р. Копланда “The Hye Waye to the Spyttel House” послужило началом истории изучения английской субстандартной лексики. В этом глоссарии был представлен список кентизмов без каких-либо толкований. В этот период также появились словарные справочники субстандартной лексики Дж. Одли (1561, 1603), Т. Хармана (1567, 1573) и Р. Грина (1579, 1591, 1592); XVII в.: глоссарии в работах Т. Деккера (1608, 1609, 1612, 1616, 1620, 1632, 1638, 1648, 1672), Р. Хеда (1665, 1673). Наиболее известным для своего времени был прокомментированный список воровских слов и выражений Томаса Хармана: Th. Harman. “A Caueat or Warening for Common Gursetos Vulgarely Called Vagabones” (1567), который послужил основным источником кента для драматургов и писателей XVI–XIX веков [6].

В данных социолексикографических источниках наблюдается фиксация большого количества зоонимов субстандартного лексического фонда, презентующих образ человека относительно его моральных качеств (например, *pigeon* – простофиля), рода занятий (например, *dog* – нищий, ищущий окурки, *a quire bird* – человек, освободившийся из тюремного заключения) и внешности (например, *alligator* – человек, широко открывающий рот при пении, *snake-headed* – человек с вытянутым лицом), интеллектуальных качеств (например, *bird* – глупец)¹.

Одним из первых словарей англоязычной субстандартной лексики более позднего периода был “A Classical Dictionary of Vulgar Tongue” Френсиса Гроуза, опубликованный в 1785 году.

В широком сравнительном плане просторечная лексика XVI–XIX столетий зарегистрирована в словаре Дж. Фармера и В. Хэнли “Slang and its Analogues Past and Present” (1890–1904). В нём также отмечается фиксация зоонимов, описывающих образ человека с позиции его моральных качеств (например, *calf-lolly* – простак), возраста (например, *calf-love* – юный романтический фантазёр) и интеллектуальных характеристик (например, *calf's head* – глупый человек).

Лексикографическое исследование англоязычной субстандартной лексики продолжилось в 1933 году с опубликования монографии английского лексикографа Э. Парtridge “Slang To-day and Yesterday”, создателя оригинальной концепции англоязычного лексического субстандарта как сложного конгломерата социально детерминированных и стилистически маркированных лексических слоёв в словарном составе национального языка и составителя фундаментальных (и в лексикографическом отношении идеально составленных) субстандартных словарей [6].

В словарь Э. Парtridge “Dictionary of Slang and Unconventional English” вошли лексические единицы почти всех известных словарей просторечия – более 100000 словарных статей основного тома и около 100000 статей второго тома-приложения, в

¹ В работе при цитировании словарных статей из словарей номера страниц не приводятся, так как все рассматриваемые словари являются строго алфавитными.

котором зафиксированы новые, дополнительные значения приведённых в основном томе слов и выражений, а также регистрируется просторечная лексика и фразеология периода Второй мировой войны. В приложении приводятся примеры австралийского и канадского просторечия, включены словарики военного жаргона и словарь «рифмованного сленга». Данный словарь Партриджа является самым полным словарём британского просторечия, содержащим в себе и зоонимы, воссоздающие образ человека с позиции его моральных качеств (например, *billy-goat in stays* – изнеженный женоподобный офицер), рода занятий (например, *dingo* – денщик) и места жительства (например, *monkey hangers* – жители порта Глазго).

Менее известными словарями сленга являются: Wessen M.H. “A Dictionary of American Slang” (1935), Kendall P. “Army and Navy Slang Dictionary” (1946), Ganville W., Roberts F. “A Dictionary of Forces’s Slang” (1939–1945).

Огромное значение для развития социолексикографии английского языка имеют исследования С.Б. Флекснера. Его идеи были сформулированы в предисловии и приложении ко второму изданию словаря американского сленга Г. Уэнтворта и С.Б. Флекснера “Dictionary of American Slang” (1967). Почти каждая вокабула в словаре документирована цитатами-иллюстрациями или ссылкой на источник. Большое внимание в данном словаре обращено на «субкультурные» группировки в американском сленге, способам и источникам формирования лексических единиц субстандартной лексики.

В 1986 году в Англии было опубликовано несколько интересных антологий нового языка и вышел “New Dictionary of American Slang” Роберта Л. Чэпмена.

Особого внимания заслуживает “Dictionary of Modern Slang” Т. Торна, переизданный в 2010 году. В его состав включены 5000 слов и 15000 понятий, присущих сленгу 50–90-х годов XX века, собранных в Великобритании и некоторых англоговорящих странах.

В этих социолексикографических изданиях также отмечается наличие зоонимов, презентирующих, например, внешность человека (*beaver* – бородатый человек), моральные качества (*duck* – неудачник), отношение к еде (*horse* – обжора), род занятий (*bear* – полицейский), возраст (*filly* – молодая девушка), полоролевая референция (*lobster* – пожилой мужчина, содержащий любовницу) и т.д.

Таким образом, отметим, что изучение лексических субстандартных единиц в целом и зоонимов в частности в зарубежной социолексикографии имеет давние традиции и в диахроническом аспекте может быть представлено как посредством простой фиксации на более ранних этапах, так и наличием чёткого тематического деления, структурированного описания и множества коннотаций зоонимов субстандартного лексического фонда на современном этапе развития зарубежной социолексикографии.

Подобное можно наблюдать и в отечественной социолексикографической науке, история которой насчитывает более полутора веков и находит отражение в большом количестве опубликованных и рукописных словарей, глоссариев и списков элементов нелитературных слов и выражений.

Впервые попытка описать и классифицировать субстандартные лексические единицы была предпринята в 1832 г. отечественным языковедом С.П. Микуцким в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий». Во второй половине XIX столетия В.И. Далем были написаны «Словарь тайных слов шерстобитов» и «Словарь петербургских мазуриков». Дополнением к данным лексикографическим источникам служат «Словарь офенского языка» (Даль, 1854) и «Русско-офенский словарь» (Даль, 1855), в содержание которых вошло более 5 тысяч слов торговцев-коробейников – офеней. В «Толковый словарь живого великорусского языка» (Даль, 1863) также включены словарные статьи, содержащие лексические субстандартные единицы, относящиеся к языку офеней (профессиональный язык бродячих торговцев-коробейников), городских карманников (байковый язык), воров и нищих и т.п. [7].

В вышеперечисленных словарях нами зафиксирован ряд зоонимов, которые по тематической направленности могут быть отнесены к категории, регистрирующей

социальные связи (*лама* – невеста), род занятий человека, по отношению к которому употреблены данные лексические единицы (*трясогузка* – горничная).

О языке различных социальных групп также упоминается в книгах В.В. Крестовского «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (1864–1866), С.В. Максимова «Сибирь и каторга» (1871), Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872) [7], в которых отмечается наличие зоонимов, презентующих образ человека только с позиции его рода деятельности, например: *грызуны* – нищие, *псира (собака) старая* – старая воровка, *кочет* – поп, священник, *коршун* – вор, *волк* – разбойник, *баклан* – неопытный человек.

В 1903 г. начальник московской сыскальной полиции В.И. Лебедев выпустил «Справочный указатель для чинов полиции» с фотографиями профессиональных уголовников, размещёнными по видам совершаемых ими преступлений. Справочник был снабжён очерком антропометрии и кратким словарём воровского жаргона, в котором присутствуют зоонимы, презентующие образ человека, относительно его рода занятий (например, *грач* – купец-подрядчик), места жительства (например, *кобель* – деревенский мужик) и моральных качеств (например, *лежавый* – доносчик).

В «Воровском словаре» Г. Достала (1904) обнаруживается единственный зооним, характеризующий личность человека посредством его отношения к алкоголю: *гусак* – пьяный.

В 1908 г. вышел в свет лексикографический справочник В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка (жаргон тюрьмы)», под редакцией профессора И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Материалом для этого словаря послужили около четырехсот лексических единиц, собранных в тюрьмах, среди которых наблюдается наличие зоонимов, характеризующих человека посредством инвектив (например, *сука* – оскорбление, покинутая любовником проститутка), полоролевой референции (например, *кошка* – женщина), а также относительно рода занятий (например, *жаба* – сыщик) и моральных качеств человека (например, *гад* – стукач).

В 1912 г. появился «Словарь воровского и арестантского языка» В.М. Попова, в котором фиксируются зоонимы, воссоздающие образ человека только относительно его рода занятий: *паук* – надзиратель арестного дома; жандарм, *ветошная кошка*, *блатная кошка* – красивая проститутка, участница особого вида воровства, *орёл* – беглый каторжанин, *богомол* – церковный нищий, *голец* – несовершеннолетний преступник.

В 1913 г. в издании Главного тюремного управления Санкт-Петербурга «Тюремный вестник» был опубликован «Арестантский словарь», автор которого взял себе псевдоним О.К. В данном словаре присутствует ЛСЕ-зооним, презентующий человека с позиции его рода занятий (*грач* – человек, не принадлежащий вору) и моральных качеств (*грач* – неопытный человек, жертва любого обмана и насилия) [6].

В 1918 г. состоялось открытие Института живого слова, изучавшего проблемы социальной диалектологии. Вместе с большим количеством незначительных, не имеющих особого научного значения работ, публиковались исследования, заслуживающие пристального внимания в связи с возрастающей ролью социализации русского языка. Работы этого периода, реализованные в рамках проблемы «язык и общество», заложили основы мировой и отечественной социолингвистики, получившей своё обоснование и развитие в трудах Е.Д. Поливанова, Б.А. Ларина, Д.С. Лихачёва, В.М. Жирмунского, Ф.П. Филина и др. В 1925 г. в работе «Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы» М.И. Маро представила «Словарь воровского жаргона беспризорников» [7]. Заслуживают интерес работы Г.С. Виноградова «Детский блатной язык (Argot)» (1926), С.М. Потапова «Словарь жаргона преступников. Блатная музыка» (1927), отчёт С.Я. Капорского «Воровской жаргон среди школьников» (1927), глоссарий Н.Н. Виноградова «Условный язык заключённых Соловецких Лагерьей Особого Назначения» (1927), словарь А.В. Миртова «Из лексикона ростовских беспризорников и босяков» (1929) и др., в которых фиксируется внушительное количество зоонимов, посредством которых появляется дополнительная характеристика человека относительно его социальных связей (например, *грач* – любовник из фразиров), рода занятий (например, *волчок* – кондуктор, *лягушка* – сыщик, *щегол* – агент

ГПУ, *паук* – городской, *скорпионы* – таможенные надсмотрщики), отношения к сексу (например, *кошка* – проститутка), черт характера (например, *светлячок* – бесстрашный человек) и национальности (например, *фазан* – китаец).

Во второй половине 30-х годов XX столетия лингвисты перестали уделять должное внимание проблематике описания субстандартной лексики в лексикографических справочниках в связи с запретом на любые исследования в этой области знаний в период «борьбы за марксистское языкознание». При этом социолексикографическое описание жаргона обособленных дискурсивных сообществ продолжалось, однако исследования велись не учёными-лингвистами, а специалистами в области юриспруденции, и, как следствие, эти работы не имели большого практического значения для широкого круга читателей (работы распределялись строго по юридическим учреждениям, и содержащиеся в них сведения не подлежали разглашению). Примерами этих работ служат словари воровского жаргона, опубликованные в Москве и Свердловске (1952), Киеве (1964), Вильнюсе (1965), Риге (1967), Баку (1971) в виде пособий для оперативного состава милиции, мест заключения и следователей.

В 1965 г. вышел «Краткий словарь современного русского жаргона», авторов-составителей М.М. и Б.П. Крестинских. В данном словаре отмечается наличие единственного зоонима, характеризующего человека со стороны его рода занятий: *наседка* – посаженный к арестантам шпион.

В последние десятилетия XX века вновь обострился интерес к изучению субстандартных лексических единиц. Появилось большое количество словарей различных видов жаргона: В.Е. Козловский «Собрание русских воровских словарей» (1983), В. Махов «Словарь блатного жаргона в СССР» (1991), Л.А. Мильяненко «По ту сторону закона: энциклопедия преступного мира», Ф.И. Рожанский «Сленг хиппи» (1992), В. Быков «Русская Феня: словарь современного интержаргона асоциальных элементов» (1994), В.С. Елистратов «Словарь московского арга. Материалы 1980–1994 гг.» (1994), Д.С. Балдаев «Словарь блатного воровского жаргона» (1997) и т.д. [7], в которых отмечается значительное количество зоонимов, характеризующих интеллектуальную сферу человеческой деятельности (например, *индюк* – глупый человек), род занятий (например, *баклан* – криминальный элемент, хулиган, человек, осуждённый за злостное хулиганство), моральные качества (например, *барсук* – предатель), социальные связи (например, *конь* – отец) и физические характеристики (например, *бык* – крупный, физически сильный мужчина).

В конце второй половины XX – начале XXI в. социолексикография как практика составления словарей начала стремительно развиваться. Причиной этого стало проникновение в русский язык огромного количества лексических единиц и фразеологических оборотов субстандартной лексики, связанное с тем, что жаргон, сленг, арг в настоящее время не являются более языком определённых социальных, строго ограниченных групп, в основном принадлежащих к криминальным кругам, а используется представителями разных слоёв общества, независимо от образования, возраста и социального статуса. Появились совершенно новые виды сленга – компьютерный сленг, бизнес-сленг, молодёжный сленг и т.д., в связи с чем возникла острая необходимость составления новых, более полных, детально разработанных, узкоспециализированных словарей и выведения субстандартных лексических единиц из состава лексикографических источников общей направленности.

Наиболее профессиональными словарями из большого ряда лексикографических работ, опубликованных в этот период, являются «Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков» В.П. Коровушкина, «Словарь русского арга» В.С. Елистратова (2000), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика (2004), «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» Х. Вальтера (2005), «Толковый словарь молодёжного сленга. Слова, непонятные взрослым» Т.Г. Никитиной (2006), «Словарь современного молодёжного жаргона» М.А. Грачёва (2007), «Русский жаргон. Историко-этимологический словарь» М.А. Грачёва,

В.М. Мокиенко (2008) [7], в которых зарегистрировано большое количество зоонимов, воссоздающих образ человека относительно его полоролевой референции, рода занятий (например, *квакша* – завуч школы), отношения к армии (*козёл педаальный* – солдат в самом низу неуставной казарменной иерархии), спорту (*кони* – болельщики, фанаты команды ЦСКА), моральных качеств (*козёл* – безнравственный человек).

Таким образом, в отечественной социолексикографии история изучения лексических субстандартных единиц в целом и регистрация в словарях зоонимов, характеризующих человека, в частности, как и в зарубежной социолексикографии, начинается с появления первых социолексикографических источников, в которых происходит только фиксирование зоонимов, а на более позднем этапе отмечается их тематическое деление, наличие у них большого количества коннотаций и указание на их этимологию.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что в корпусе субстандартных словарей английского и русского языков присутствуют зоонимы, чья длительная история фиксации и поэтапное изучение свидетельствуют о возможности представления зоонимов, воссоздающих образ человека, в качестве объекта для отдельного исследования.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. Теоретический курс : учеб. / В. С. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 2003. – 244 с.
2. Заграевская Т. Б. Эволюция лексикографии в зарубежной лингвистике / Т. Б. Заграевская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 128–133.
3. Метельская Е. В. Актуальность лексических субстандартных единиц зоонимов в воссоздании образа человека в англоязычной и русскоязычной субстандартной лингвокультурах / Е. В. Метельская // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 4 (40). – С. 113–119.
4. Метельская Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Метельская. – Пятигорск, 2012. – 18 с.
5. Метельская Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах (на материале зоонимов английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Метельская. – Пятигорск, 2012. – 244 с.
6. Рябичкина Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты : дис. д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 389 с.
7. Рябичкина Г. В. История русской просторечной лексикографии постреволюционного периода / Г. В. Рябичкина. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2010. – 154 с.

References

1. Vinogradov V. S. Leksikologiya ispanskogo yazika. Teoretiteskii kurs. Moscow, Visshaya shkola, 2003. 244 p.
2. Zagraevskaya T. B. Evolutsiya leksikografii v zarubezhnoi lingvistike // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvistitseskogo universiteta. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2012, № 2, pp. 128–133.
3. Metelskaya E. V. Aktualnost leksiteskih substandartnih edinit-zoonimov v vossozdanií obraza teloveka v angloyazitnoi I russkoyazitnoi substandartnoi lingvokulturah // Gumanitarnie issledovaniya. 2011, № 4 (40), pp. 113–119.
4. Metelskaya E. V. Obraz teloveka v angliiskoi i russkoi substandartnoi lingvokulturah (na materiale zoonimov angliiskogo I russkogo yazikov). Pyatigorsk, 2012. 18 p.
5. Metelskaya E. V. Obraz teloveka v angliiskoi i russkoi substandartnoi lingvokulturah (na materiale zoonimov angliiskogo I russkogo yazikov). Pyatigorsk, 2012. 244 p.
6. Ryabitkina G. V. Problemi substandartnoi leksikografii angliiskogo i russkogo yazikov: teoreticheskie I prikladnoy aspekti. Pyatigorsk, 2009. 389 p.
7. Ryabitkina G. V. Istoriya russkoi prostoretnoi leksikografii postrevolutsionnogo perioda. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2010. 154 p.